

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

ПРЕКРАСНЫЕ И ОБРЕЧЕННЫЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф66

Серия «Эксклюзивная классика»

Francis Scott Fitzgerald

THE BEAUTIFUL AND DAMNED

Перевод с английского *Л. Папилиной*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Фицджеральд, Фрэнсис Скотт.

Ф66 Прекрасные и обреченные : [роман] / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; [пер. с англ. Л. Папилиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 544 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-110683-6

В ожидании громадного наследства Энтони Пэтч с красивой женой Глорией прожигают жизнь в Нью-Йорке. Обеды в дорогих ресторанах, бесконечные вечеринки с друзьями и роскошные приемы — казалось бы, о чем еще можно мечтать? Но когда шансы получить богатство становятся призрачными, блистательной паре придется столкнуться с жестокой реальностью: за все приходится платить — порой неподъемную цену..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-110683-6

Школа перевода В. Баканова, 2011
© ООО «Издательство «АСТ», 2024

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава первая

Энтони Пэтч

В 1913 году Энтони Пэтчу исполнилось двадцать пять лет, и вот уже два года, как на него, во всяком случае, предположительно, снизошел святой дух тех дней, именуемый иронией. Ирония являла собой наведенный в последнюю минуту глянец, придающий ботинку безупречный вид, завершающее прикосновение щетки к костюму, в некотором роде интеллектуальное «Есть!». Однако в начале этого повествования Энтони пока пребывает на стадии осознания. При первой встрече его еще волнует, не утратил ли он честь и благородство, а заодно и рассудок. Не представляет ли собой постыдное, непристойное ничтожество, жирно поблескивающее на лице окружающего мира подобно масляному пятну на чистой поверхности пруда. Разумеется, настроения менялись, и наступали периоды, когда Энтони считал себя юношей в определенном смысле исключительным, в достаточной степени утонченным и искусственным, прекрасно приспособившимся к условиям, в которых приходится жить, и, пожалуй, более содержательным из всех своих знакомых.

Такое состояние оказывало на Энтони благотворное действие и делало его жизнерадостным, симпатичным и привлекательным для наделенных умом

мужчин и абсолютно всех женщин. Пребывая в нем, он полагал, что в один прекрасный день совершит некое скромное, отмеченное печатью изысканности деяние, которое избранные сочтут достойным поступком, и со временем воляется в сонм неярких звезд на туманном небосклоне, на полпути между смертью и бессмертием. А пока не настало время для решительных действий, пусть он будет просто Энтони Пэтчем, не застывшим портретом, а самобытной энергичной личностью, своенравной, с долей высокомерия и идущими из глубины души порывами. Человеком, который, зная, что чести в этом мире нет и быть не может, тем не менее ее имеет, кто понимает всю надуманность представлений о мужестве и при этом является храбрецом.

Достойный человек и его даровитый сын

Внук Адама Дж. Пэтча, Энтони впитал в себя сознание социальной защищенности и стабильности, словно вел происхождение от некогда обитавших за океаном крестоносцев. И это неизбежно. Как бы там ни было, виргинская и бостонская аристократия опиралась исключительно на деньги и ставила богатство неизменным условием.

Итак, Адам Дж. Пэтч, более известный как Брюзга Пэтч, в начале 1861 года покинул отцовскую ферму в Тэрритауне и записался в Нью-Йоркский кавалерийский полк. Вернувшись с войны в чине майора, он взял штурмом Уолл-стрит и среди царившей там суеты и неразберихи, громких восторгов и недоброжелательности умудрился скопить около семидесяти пяти миллионов долларов.

До пятидесяти семи лет сбор денег отнимал всю энергию. Именно в этом возрасте, после жестокого приступа склероза он решил потратить остаток жизненных сил на моральное возрождение окружающего мира, став выдающимся реформатором. По примеру Энтони Комстока, прославившегося блистательной деятельностью на этом поприще, в честь которого и был назван внук, он обрушил град апперкотов и мощных ударов по корпусу на алкоголь, литературу и искусство, любые проявления порока, патентованные лекарства и воскресный любительский театр. Под воздействием вероломной плесени, которая со временем прокрадывается в мозг, щадя лишь немногих избранных, Адам с жаром реагировал на любое проявление общественного возмущения, случавшегося в те дни. Из кресла в кабинете особняка в Тэрритауне он развернул против предполагаемого могущественного противника, называемого «нечестивость», кампанию, длившуюся пятнадцать лет, в течение которых показал себя неистовым воителем и нестерпимым занудой. В год начала нашего повествования силы стали ему изменять, и сокрушительные атаки отлаженной военной кампании свелись к беспорядочной стрельбе. События далекого 1861 года постепенно заслоняли жизнь, бурлившую в году 1895-м, и мысли Адама Пэтча сосредоточились на Гражданской войне. Иногда он вспоминал покойную жену и сына, а о внуке Энтони практически забыл.

В начале карьеры Адам Пэтч женился на анемичной тридцатилетней даме по имени Алисия Уитерс, которая принесла ему в приданое сто тысяч долларов и обеспечила беспрепятственный доступ в банковские круги Нью-Йорка. Проявив недюжин-

ную отвагу, она в кратчайшие сроки родила сына и, словно обессилив от этого подвига, затерялась в пространстве затененной детской комнаты. Мальчик, названный Адамом Улиссом Пэтчем, стал со временем завсегдатаем клубов, знатоком хорошего тона, лихо управлял запряженными цугом лошадьми и в возрасте двадцати шести лет, ко всеобщему удивлению, начал писать мемуары под названием «Нью-йоркское общество, каким я его видел». Судя по слухам, идея книги представляла интерес, и среди издателей началась борьба за право ее опубликовать. Однако после смерти автора оказалось, что мемуары не в меру многословны и невероятно скучны, а потому их не стали печатать даже частным порядком.

Наш Честерфилд с Пятой авеню в возрасте двадцати двух лет женился на Генриетте Лебрюн, которую называли «контральто бостонского света». Единственный плод этого брака по просьбе деда получил имя Энтони Комсток Пэтч. При поступлении в Гарвардский университет приставка «Комсток» была предана забвению, и с той поры о ней никто не вспоминал.

У молодого Энтони имелась фотография родителей, запечатленных вместе. В детстве она так часто попадалась на глаза, что стала безликим предметом мебели, однако люди, заглядывающие к нему в спальню, рассматривали снимок с интересом. Он изображал красивого подтянутого денди в духе девяностых годов рядом с высокой темноволосой дамой с муфтой и неким намеком на турнюр. Между ними пристроился мальчик с длинными каштановыми локонами, облаченный в бархатный костюмчик а-ля лорд Фаунтлерой. Это был Энто-

ни в пятилетнем возрасте, в год, когда умерла его мать.

О «контральто бостонского света» сохранились смутные воспоминания, наполненные музыкой. Мать все время что-то пела в музыкальной гостиной их дома на Вашингтон-сквер, иногда в окружении гостей. Мужчины со сложенными на груди руками балансировали на краешке дивана, боясь вздохнуть, а женщины время от времени что-то им нашептывали, сопровождая каждую песню аплодисментами и похожими на голубиное воркование возгласами. Гораздо чаще она пела только для Энтони на итальянском или французском языке, а еще на каком-то жутком диалекте, на котором, по ее мнению, говорят негры в южных штатах.

О галантном Улиссе, первом мужчине в Америке, отвернувшем лацканы пиджака, остались гораздо более яркие воспоминания. После того как Генриетта Лебрюн Пэтч «отправилась петь в ином хоре», о чем время от времени упоминал хриплым голосом вдовец, отец с сыном переехали жить к бабушке в Тэрритаун. Улисс ежедневно навещал Энтони в детской и около часа произносил приятные для слуха заманчивые речи. Он постоянно обещал взять Энтони на охоту, рыбалку или экскурсию в Атлантик-Сити. «Потерпи немножко, совсем скоро», — заверял Улисс. Однако ни одно из обещаний так и не претворилось в жизнь. Во время их единственного путешествия за границу, в Англию и Швейцарию, когда Энтони было одиннадцать лет, в самом шикарном отеле Люцерна отец умер, обливаясь потом и умоляя о глотке свежего воздуха. Охваченного паническим ужасом и отчаянием Энтони привезли обратно в Америку, и с тех пор смутная меланхолия сопровождала его до конца дней.

Личность героя и его прошлое

В одиннадцатилетнем возрасте он познал ужас смерти. В течение шести запечатлевшихся в памяти лет умерли родители и как-то незаметно угасла бабушка, впервые с момента замужества сделавшись на один день полновластной хозяйкой в собственной гостиной. Жизнь Энтони стала непрерывной борьбой с подстерегающей за каждым углом смертью. У него возникла привычка читать в постели. Чтение успокаивало, хотя и являлось данью мнительности и больному воображению. Он читал до изнеможения и часто засыпал, не выключив света.

До четырнадцати лет любимым развлечением Энтони, которому он отдавался со всей мальчишеской страстью, стало коллекционирование марок. Дедушка по глупости думал, что оно помогает в изучении географии. А Энтони наладил переписку с шестью филателистическими компаниями, и редкий день по почте не приходил новый альбом с марками или пачка глянцевых подписных листов. Бесконечное перекладывание драгоценных приобретений из одного альбома в другой превратилось в завораживающее таинство. Марки стали для Энтони самой большой радостью, и он раздраженно хмурился на любого, кто мешал любимой игре. Марки пожирали все карманные деньги, что выдавались на месяц, а их владелец лежал ночами без сна, не уставая размышлять о разнообразии и пестром великолепии своих сокровищ.

В шестнадцать лет Энтони полностью замкнулся в себе. Молчаливый парень, совсем непохожий на американца, взирающий на современников с вежливым недоумением. Два предыдущих года он провёл в Европе с домашним учителем, который убедил

юношу, что образование надо непременно продолжить в Гарвардском университете. Это впоследствии «откроет все двери», укрепит дух и поможет приобрести огромное количество готовых к самопожертвованию преданных друзей. И Энтони поступил в Гарвард, единственный раз за всю жизнь послушавшись голоса разума.

Не замечая окружающих и ни с кем не общаясь, он жил в одиночестве в роскошной комнате в Бекхолл. Стройный темноволосый юноша среднего роста, с нерешительным нежным ртом. Денег у Энтони было более чем достаточно, и он решил собрать библиотеку, начав с покупки у странствующего библиофила первых изданий Суинберна, Мередита и Харди, а также неразборчивого пожелтевшего письма с автографом Китса; впоследствии обнаружилось, что цену за них заломили заоблачную. Энтони вырос изящным денди с утонченными манерами и обзавелся вызывающей слезу умиления коллекцией шелковых пижам, парчовых халатов и ярких галстуков, слишком вычурных, чтобы появиться в них на людях. Облачившись в оберегаемые от посторонних глаз пышные одежды, он расхаживал в своей комнате перед зеркалом или возлежал на обитом атласом диванчике у окна и смотрел вниз, во двор. Наблюдая царящую за окном шумную суету, Энтони преисполнялся смутным сознанием, что сам он, похоже, никогда не примет в ней участия.

Как ни странно, в последний год обучения обнаружилось, что он завоевал определенный авторитет среди однокурсников. Энтони узнал, что его считают фигурой романтической, эдаким ученым затворником, средоточием образованности и эрудированности. Такое мнение удивило и втайне порадовало. Эн-

тони начал выходить в свет, сначала редко, а потом все чаще. Он участвовал в вечеринках с рождественским пудингом и пил с соблюдением установленных традиций, не привлекая к себе внимания. Говорили, что не поступи Энтони в колледж в столь юном возрасте, и «диплом с отличием был бы ему обеспечен». В 1909 году, когда ему исполнилось всего двадцать лет, Энтони закончил университет.

Потом он снова отправился за границу, на сей раз в Рим, где поочередно заигрывал с архитектурой и живописью, брал уроки игры на скрипке и написал на итальянском несколько отвратительных сонетов в виде размышлений о радостях созерцания бытия с точки зрения жившего в тринадцатом веке монаха.

Приятелям по Гарварду стало известно, что Энтони в Риме, и кто оказался в тот год в Европе, навещали к нему и во время многочисленных прогулок лунными ночами вместе открывали для себя город, превосходящий по возрасту не только Возрождение, но и само понятие республики. Например, Мори Ноубл приехал из Филадельфии и провел в компании Энтони два месяца; молодые люди постигали своеобразное очарование римлянок, упиваясь восхитительным чувством свободы и юности в центре цивилизации. Многие знакомые деда тоже навещали Энтони, и при желании он мог бы стать персоной грата в дипломатических кругах. Юноша и сам заметил, что тяга к веселой компании и пирушкам растет с каждым днем, однако его поведение по-прежнему определяли давняя подростковая замкнутость и появившаяся вследствие нее робость.

В 1912 году из-за внезапной болезни деда Энтони вернулся в Америку и после утомительной беседы с неизменно выздоравливающим стариком решил от-

казаться от мысли навсегда перебраться в Европу до его смерти. После долгих поисков он снял квартиру на Пятьдесят второй улице и успокоился, по крайней мере в глазах окружающих.

В 1913 году процесс приспособления Энтони Пэтча к окружающему миру находился в завершающей стадии. По сравнению со студенческими годами он заметно похорошел: сохраняя несколько излишнюю худощавость, стал шире в плечах, а смуглое лицо утратило испуганное выражение, характерное для студента-первокурсника. Он отличался внутренней собранностью, одевался с безукоризненным вкусом, и приятели утверждали, что ни разу не застали его со взъерошенными волосами. Нос у Энтони был резко очерченным и слишком острым, а рот представлял собой предательское зеркало, отражающее малейшую перемену настроения. В минуты уныния уголки губ тут же опускались вниз. Зато голубые глаза неизменно поражали красотой, светились ли живым умом или выражали меланхоличную иронию, когда их обладатель смотрел на мир из-под полуопущенных век.

Энтони не мог похвастаться симметричными чертами лица, которые лежат в основе арийского идеала красоты, и тем не менее многие находили его красивым. К тому же юношу отличала исключительная внешняя опрятность, полностью соответствующая внутреннему содержанию, особая чистота, что является спутницей истинной красоты.

Безупречное жилище

Пятая и Шестая авеню казались Энтони гигантской лестницей, простирающейся от Вашингтонсквер до Центрального парка. Поездки на крыше

автобуса в направлении Пятьдесят второй улицы неизменно вызывали ощущение, будто он карабкается по ненадежным, коварным перекаладинам, цепляясь за них руками, и когда автобус подъезжал к нужной остановке, он испытывал некоторое облегчение, спустившись на тротуар по непродуманно крутым металлическим ступенькам.

Теперь оставалось пройти полквартила по Пятьдесят второй, мимо вереницы массивных домов из бурого песчаника, и вот он уже под высокими сводами своей замечательной во всех отношениях гостиной. Настоящая жизнь для Энтони начиналась именно здесь. Тут он спал, завтракал, читал книги и предавался развлечениям.

Дом представлял собой мрачный особняк, построенный в конце 1890-х годов. Принимая во внимание растущий спрос на небольшие квартиры, все этажи перестроили и сдавали внаем частями. Из четырех квартир, расположенных на втором этаже, жилище Энтони было самым завидным.

В гостиной с высокими потолками имелось три больших окна с прекрасным видом на Пятьдесят вторую улицу. Обстановка благополучно избежала претензий на принадлежность к какой-либо определенной эпохе. Благодаря идеально соблюденному чувству меры комната не выглядела излишне загроможденной или не в меру аскетической и не несла на себе печати декадентства. Здесь не пахло ни дымом, ни благовониями — обычное просторное жилище с легким налетом грусти. Из мебели был овеванный дремотной дымкой диван с обивкой из мягчайшей коричневой кожи и высокая китайская ширма, которую украшала черная с золотом роспись с геометрическими фигурками рыбаков и охотников. Она от-

гораживала нишу, где находилось массивное кресло; рядом, словно в карауле, стоял оранжевый торшер. На задней стенке камина виднелся разделенный на четыре части, обгоревший до черноты неизвестный герб.

Пройдя через столовую, носившую это название чисто символически, так как хозяин здесь только завтракал, выходишь в довольно длинный коридор, а оттуда попадаешь в самое сокровенное место квартиры — спальню Энтони и ванную комнату.

Обе они необъятных размеров. Под высокими сводами спальни даже огромная кровать под балдахином выглядела не слишком внушительно. На полу красовался мягкий, как руно, ласкающий босые ноги причудливый ковер малинового бархата. В отличие от несколько мрачноватой спальни ванная, больше похожая на жилую комнату, имела жизнерадостный и исключительно уютный вид с легким налетом шаловливости. На стенах висели фотографии в рамках с изображением четырех именитых актрис, общепризнанных красавиц того времени. Джулия Сэндерсон в «Жизнерадостной девчонке», Инна Клер в роли юной квакерши, Билли Берк в образе девушки-хористки и Хейзл Дон в «Даме в розовом». Между Билли Берк и Хейзл Дон поместилась репродукция: бескрайние просторы, занесенные снегом, над которыми светит огромное неприветливое солнце. По утверждению Энтони, картина символизировала холодный душ.

Огромная низкая ванна была снабжена затейливой подставкой для книг. Рядом с ней стенной шкаф ломился от одежды — хватило бы на троих человек — и внушительной коллекции галстуков. Вместо традиционного убогого коврика, больше похожего на

полотенце, пол ванной комнаты украшал роскошный ковер, не хуже того, что в спальне. Казалось, пушистое чудо нежно массирует ноги, извлеченные из воды.

Словом, место для священных ритуалов. Сразу видно, что Энтони здесь одевается, укладывает в безупречную прическу волосы, а также занимается другими делами, не считая сна и приема пищи. Ванная комната являлась предметом гордости, и он точно знал, что если обзаведется возлюбленной, то повесит ее портрет лицом к самой ванне, дабы, затерявшись в успокоительных клубах горячего пара, без помех созерцать предмет своей любви, предаваясь нежным и чувственным мечтам о красоте избранницы.

Без суеты

За порядком в квартире следил слуга-англичанин, носивший фамилию Баундс, которая до странности ему подходила, что даже выглядело несколько ненатуральным. Единственный недостаток этого истинного мастера своего дела состоял в том, что он носил мягкие воротнички. Принадлежи слуга одному Энтони, и подобный дефект сумели бы быстро устранить, но он работал «Баундсом» еще у двух джентльменов, живших по соседству. Ежедневно с восьми до одиннадцати утра Баундс находился всецело в распоряжении Энтони. Он приносил почту и готовил завтрак, а в половине десятого дергал за край одеяла, которым укрывался Энтони, и произносил несколько коротких слов. Энтони никак не мог вспомнить, что это за слова, но подозревал, что в них звучит осуждение. Затем слуга подавал завтрак на карточном столе в гостиной, застилал кровать и, поинтересовавшись не-

прияженным тоном, не надо ли чего еще, удалялся восвояси.

Не реже одного раза в неделю Энтони навещал утром своего брокера. С денег, доставшихся в наследство от матери, он получал годовой доход немногим меньше семи тысяч. Дедушка, который и собственному сыну не позволял выходить за рамки весьма щедрого пособия, считал, что этой суммы для молодого Энтони вполне достаточно. Каждое Рождество он посылал внуку пятисотдолларовую облигацию, которую тот, как правило, продавал, так как всегда испытывал нужду в деньгах, хоть и не слишком острую.

Во время визитов к брокеру темы разговоров менялись от обычной светской болтовни до обсуждения надежности вложений под восемь процентов, неизменно доставляя Энтони огромное удовольствие. Внушительное здание трастовой компании, казалось, обеспечивало надежную связь с несметными богатствами и их владельцами, чью сплоченность и чувство взаимовыручки он так чтит, и служило гарантией, что финансовый мир позаботится о достойном месте для Энтони. Эти вечно спешащие люди внушали то самое чувство надежности и защищенности, что неизменно возникало при размышлении о дедовских капиталах. Только оно было еще сильнее, так как деньги деда представлялись Энтони некой ссудой до востребования, которую общество выдало Адаму Пэтчу за его добродетельность, тогда как здешние капиталы скорее являлись захваченной добычей и удерживались ценой невероятных усилий воли и негибачаемого упорства. Кроме того, они виделись более определенно и четко как непосредственно деньги.

Хотя Энтони зачастую наступал на пятки своим доходам, он считал получаемое содержание вполне